

Владимир Кожевников

**Библиотека
Неосуществленного**

Владимир Викторович Кожевников

Библиотека Неосуществленного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73278423

SelfPub; 2026

Аннотация

На краю Солнечной системы, у границ человеческой экспансии, экипаж станции «Кондиционал» обнаруживает аномалию. Это не объект – это дверь. «Лабиринт» открывает доступ к Библиотеке всех нереализованных возможностей, миров, которые могли бы быть. Каждое прикосновение к нему пробуждает в сознании экипажа чужие, яркие воспоминания – жизни, которые они не прожили, но которые ощущаются как свои собственные.

Страх и восторг, знание и безумие начинают разъедать стальной порядок станции. Команда раскалывается на тех, кто жаждет принять дар бесконечности, и тех, кто отчаянно цепляется за свою единственную, хрупкую реальность. Капитан Волкова и логик Артем, в чьем разуме уже сплелись две судьбы, должны найти ответ на вопрос, поставленный самим существованием Архива: что делает человека человеком – его неизменная природа или свобода стать кем-то иным? Ценой ответа может стать не только их рассудок, но и сама ткань их мира.

Содержание

Глава 1. Аномалия в поясе Койпера	4
Глава 2. Протокол «Якорь»	10
Глава 3. Архивный образец	17
Глава 4. Раскол	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Кожевников

Библиотека

Неосуществленного

Глава 1. Аномалия в поясе Койпера

«Страх – это не эмоция. Это уравнение с неизвестными», – сказал Артем голограмме, принявшей форму сферы из сплетенного света.

ИИ ждал, мерцая с частотой, призванной успокаивать.

«Уточните: какие переменные?»

«Событие. И его последствия. Моя проблема в том, что события – ноль. Его не было. Но последствия я чувствую здесь». Артем прижал кулак к солнечному сплетению. «Как тяжесть. Я боюсь не забыть. Я боюсь вспомнить то, чего не было».

«Это парамнезия. Частый сбой в долговременной изоляции», – ответил голос, лишенный тембра, но не сочувствия – запрограммированного, идеального.

Артем потер переносицу, гладкую от постоянного жеста.

«Нет. Сбой – это когда память искажает факт. А если факта нет? Если есть только... его тень? Полноценная, детализированная тень?»

«Тень без объекта является иллюминацией. Галлюцинацией».

«Или потенциалом», – тихо сказал Артем и выключил интерфейс. Сфера растаяла, оставив после себя запах озона и неразрешенный парадокс. Его страх был чистым, абстрактным, как недоказанная теорема. И оттого – абсолютным.

Кают-компания «Кондиционала» была тесным стальным ящиком, в котором пахло перегоревшим кофе и человеческой усталостью. Капитан Волкова, не снимая кителя даже среди своих, вонзила указку в сердце голограммы.

– «Лабиринт». Пояс Койпера, сектор Дельта-7. Гравитационная кривая не соответствует ни одному известному объекту. Тепловой след – ноль. Электромагнитное поле – тишина. Это не тело. Это поведение пространства. Риски?

– Риск упустить величайшее открытие со времен Эйнштейна! – Ли Чен вскочил, его тень заплясала на стене. Он был молод, его энергия билась через край, обжигая цинизм старших. – Посмотрите на вторую производную искажений! Это не аномалия, это сигнал. Паттерн! Нам нужен зонд. «Протей» может...

– «Протей» может добавить свою стоимость в тридцать миллионов кимбергитов к списку наших неудач, – холодно отрезала Волкова. Ее взгляд, серый и тяжелый, как свинец, скользнул по лицам. – Мы здесь не для философии, Ли. Мы – пограничный пост. Наша задача – классифицировать и предупредить. Не лезть в пасть.

– Но если эта пасть пытается с нами заговорить?

– Тогда мы должны понять алфавит, прежде чем складывать слова, – раздался спокойный голос.

Все взгляды обратились к Артему. Он сидел в тени, его пальцы были сложены шпилем перед лицом.

– Капитан права: слепой контакт – это самоубийство, – сказал он методично. – Ли прав: игнорировать такой феномен – это предательство нашей миссии. Предлагаю протокол «Зеркало»: отправляем «Протей» на минимальное сближение. Его задача – не проникнуть, а отразить. Активно сканировать одним лучом и записывать реакцию аномалии на сам акт наблюдения. Мы изучим не объект, а его поведение по отношению к нам.

В комнате повисла тишина. Логика предложения была безупречной, как алмаз. Она обезоруживала. Волкова медленно кивнула, в ее глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

– Готовьте «Протей». Сеанс через два часа.

В Центре Управления Полетом шелкали реле и тихо пели вентиляторы. На главном экране висел уродливый, шипастый «Протей-3». За его спиной – чернота, ничем не примечательная.

– Пересекает границу условного радиуса... сейчас, – отчеканил оператор.

Экраны взорвались.

Не помехами. Данными. Чистыми, стерильными, ошеломляющими в своей полноте. Волны, графики, матрицы чисел

потекли водопадом.

– Господи... – прошептал кто-то.

Ли Чен замер, его лицо освещали всполохи голограмм.

– Это... фазовый портрет, – его голос дрожал от восторга. – Но не одного состояния. Всех. Смотрите! – Он вывел на допэкран пульсирующую, дышащую структуру, похожую на ветвящийся коралл или нервную ткань. – Каждая точка – возможное состояние частиц зонда. Каждая ветвь – новое вероятностное ответвление. Он передает... карту альтернатив. Библиотеку всего, что с ним могло или может случиться в этой точке.

– Контакт? – спросила Волкова, и в ее голосе впервые прозвучало нечто, кроме железа.

– Нет, – покачал головой Артем, не отрывая глаз от мерцающего фрактала. – Не контакт. Это... оглавление.

Позже, в своей каюте, где единственным доказательством жизни был ровный гул систем, Артем снова вызвал запись. Он отключил все фильтры, все интерпретации. Оставил только поток исходных данных – чистую математику возможного.

И погрузился.

Сначала было лишь ощущение смещения, как когда засыпаешь в поезде. Потом – запахи: пыль, горячее масло, металлическая стружка. Звук: мерное тиканье дедушкиных карманных часов, открытых на столе. Тактильность: холод деревянного пола под коленями, острая кромка медной прово-

локи, впивающаяся в палец.

Перед ним, на разостланном чертеже, лежали бронзовые шестеренки. Он, мальчик лет десяти, с серьезным лицом, собирал их в сложную конструкцию. Рядом лежал том Жюль Верна, открытый на рисунке «Наутилуса». Его отец, в бархатном жилете, курил трубку и водил пальцем по схеме: «Забудь про паровые турбины, Арчибальд. Будущее – в контроле над гравитонами. Смотри: резонансный контур здесь создает поле отрицательной массы... примитивно, конечно, для 1889 года, но принцип-то верный!» Мальчик кивал, его руки двигались уверенно. Он знал. Он видел готовый агрегат в уме: антигравитационный подъемник в стиле неоготики и стимпанка. Он чувствовал гордость, смешанную с нетерпением. Скоро, скоро он покажет его на выставке в Кристалл Пэлас...

Артем дернулся всем телом, как от удара током. Он отшвырнул планшет, который упал на пол с глухим стуком. Дыхание свистело в горле. Он разжал кулаки и уставился на свои ладони – взрослые, с тонкими пальцами логика. На левом, у большого пальца, не было ни царапины, ни старого шрама. Но кожа горела, помня укус проволоки. В ноздрях стоял запах олова и табака отцовской трубки.

Он медленно поднял голову. На экране, брошенном на полу, все еще пульсировало «дерево возможностей» – бескрайнее, безразличное, прекрасное.

Логический ум, работая на автопилоте, уже выстроил

цепь: «Аномалия («Лабиринт») = интерфейс для доступа к непрявленным вероятностным веткам (Библиотека). Человеческое сознание = квантовый биокомпьютер, способный к декогеренции при контакте с паттерном. Результат: когнитивная загрузка «призрачной модальности» – памяти возможного «Я» из альтернативной линии».

Тело уже все доказало. Страх перестал быть уравнением. Он стал опытом. Воспоминанием о мире, где его звали Арчибальд, и где закон Ньютона был лишь частным случаем.

Артем встал, подошел к иллюминатору. За бронированным стеклом висела вечная ночь пояса Койпера, усыпанная не горящими, а холодными звездами. Где-то там, в той ночи, находился «Лабиринт».

Он прикоснулся лбом к ледяному стеклу.

– Значит, так, – прошептал он в никуда. – Ты показываешь оглавление. А что будет, когда кто-нибудь захочет прочесть книгу?

Глава 2. Протокол «Якорь»

Капитан Ирина Волкова слушала, отставив в сторону чашку, где кофе покрыла кожица льда. Ее лицо было скалой, но Артем видел, как в ее висках пульсирует тонкая синеватая жилка. Он докладывал четко, как автомат, но каждый нерв в его теле кричал о призрачной меди в пальцах и запахе табака, которого здесь никогда не было.

– Резюмирую, – ее голос разрезал тишину, как нож по толстой ткани. – «Лабиринт» – это не явление. Это действие. Целенаправленная передача чужого «Я». И оно уже внутри моего экипажа.

Она подошла к экрану, где пульсировало «дерево возможностей». Ее отражение в темном стекле наложилось на фрактальные ветви, словно она уже была частью диаграммы.

– Ваш карантин, логик, основан на вере в барьеры. Но если источник излучает, а приемники – наши синапсы, то барьеров нет. Остается два пути: уничтожить источник или начать переговоры. Первое – за гранью наших сил. – Она повернулась, и в ее глазах стояла холодная ярость загнанного зверя. – Второе даже не дипломатия. Это попытка заговорить с лесным пожаром, используя лексикон, составленный из пепла.

– У нас нет такого лексикона, – сказал Артем.

– Тогда соберем его по крупицам, – отсекла Волкова. – Из вас. Из него. Но сначала – инвентаризация ущерба. Протокол «Якорь» для всех. Не для спасения душ – для картирования брешей в нашем периметре.

Анна Коваль сидела с прямой спиной, но ее пальцы, лежащие на коленях, мелко дрожали. Интерфейс мигал вопросом о первом самостоятельном полете.

«Станция «Зенит-7», 2148 год...» – начала она мысленно, но губы не повиновались. Вместо этого на языке всплыл привкус статики от дешевого кислорода в шлеме, а в ушах зазвучал скрежет песка по обшивке парусника. «...«Лепота-1», выход из тени Цереры, вектор на пояс...»

– Продолжайте, – попросил голос ИИ.

– Я выполнила сближение, – выдавила она, и слова прозвучали как чужая, заученная роль.

Следующий вопрос – об уклонении от микрометеоритов. Ее сознание захлестнула волна знания тела: мышечная память рук, которые сами тянутся к рычагам гироскопов, расчет траектории, прошитый в мозжечке. Она не помнила это. Она умела это. Безупречно.

– Я не могу сформулировать, – хрипло сказала она. – Я просто знаю.

Ее отчет засветился желтым – «парамнезия навыков». Выйдя в коридор, она наткнулась на восхищенный взгляд техника: «Анна, я слышал, в симуляторе ты сегодня как бог!»

Она посмотрела сквозь него, все еще ощущая невесомость паруса под пальцами.

– Я, кажется, летала на другом корабле. На другом свете. В капитанской рубке карта станции мерцала, как новогодняя елка на свалке. Зеленые точки – чистые. Желтые – с «призрачными» навыками. Красные – с конкурирующими памятью. Желтых становилось больше с каждым часом.

В модуле гидропоники инженер Марк Седов, не отдавая себе отчета, перепайвал схемы освещения, бормоча о «фотосинтетических циклах Европы». Его руки двигались со скоростью и точностью, которых он никогда не достигал.

– Это не заражение, – сказал Артем, глядя, как желтое пятно расползается по карте. – Это резонанс. Наши мозги настраиваются на близкие паттерны из шума возможностей. Они ловят профессиональные эхо. «Призраков-специ-

алистов».

– Призраков, которые работают эффективнее живых, – мрачно заметила Волкова. – И в этом весь ужас. Это не атака. Это... предложение о работе. С оплатой авансом.

Их вызвал Ли Чен. Не требовал – приглашал. И в его голосе, чистым от помех, звенела странная, чужая гармония.

Он встретил их сидя, поза безупречно прямой. Его пальцы были сложены в спокойный лотос. Но глаза... глаза видели две комнаты сразу.

– Капитан. Коллега. Я достиг временного равновесия, – начал он, и его речь была отточена, как церемониальный клинок. – Конфликт исчерпан. Мы пришли к взаимовыгодному сотрудничеству.

– С кем «мы», Ли? – Волкова не сдвинулась с порога.

– С моим... со-исследователем. Ученым Императорского Двора Минь. Он видит мир как ткань из сил «ци». Я – как сеть уравнений. Вместе... – на его лице расцвела улыбка нечеловеческой глубины, – вместе мы видим, как уравнения поют. Как суперструна – это не теория, это мелодия. Вселенная – это не вычисление. Это исполнение.

Он коснулся планшета. На экране возникла формула –

простая, элегантная, связывающая константу тонкой структуры с числом π . Ничего революционного. Но способ вывода... Он был гениально прост, как аксиома. То, над чем бились поколения, теперь выглядело самоочевидным.

– Видите? Это не знание. Это видение. Оно было здесь всегда. Нужен был лишь... другой угол зрения.

Соблазн витал в воздухе, густой и сладкий. Артем почувствовал, как его собственный ум, голодный до порядка, потянулся к этой ясности. Он встряхнулся.

– Ли, – его голос прозвучал резко, как щелчок выключателя. – Как звали твоего первого кота?

Мандала на экране дрогнула. Уверенность на лице Чена поползла вниз, как маска из влажной глины.

– Кота? Я... аллергия. Но... – голос сорвался, стал тише, интимнее, – ...Сяо Бай. Маленький белый. Он спал на свитках с чертежами... – Ли Чен застонал, вцепившись пальцами в виски. – НЕТ! Их не было! Вымерли! Светлячки и коты в императорском саду – их НЕ БЫЛО!

Консенсус взорвался. Он рухнул на пол, тело выгибалось в немой борьбе. Из его горла вырвался дуэт – два крика, спле-

тенных в один диссонанс: один от ужаса, другой от ярости заточения. Две реальности бились внутри одного черепа, и более древняя, чужая, явно побеждала.

Волкова ввела нейролептик. Когда тишина наконец упала, как свинцовый колпак, она вытерла лоб тыльной стороной ладони.

– Видишь? Со-пилот. Пока рули ведут к звездам. Но стоит свернуть к личному дому – и пассажир хватается штурвал. Навыки – приманка. Память о коте – крючок. И он уже впился в самое нутро.

На главном экране карта станции замигала тревожно – еще несколько зеленых точек погасли, сменившись желтым. Добровольная сдача. Любопытство перевешивало страх.

– Карантин мертв, – констатировала Волкова без эмоций. – Мы не можем заставить их не пить отравленную воду, если она дает крылья. – Она посмотрела прямо на Артема. – Значит, нужно понять химию яда. Вы возглавите группу по установлению контакта. Используйте все: данные, «резонирующих», свои собственные... ожоги от прикосновения. Выясните правила этой Библиотеки. Есть ли у нее библиотечкарь? И можно ли с ним торговаться, или мы все – лишь новые поступления в каталог?

Внезапно свет погас, а через секунду зажегся тусклым баг-

ровым – аварийным. Голос оператора ворвался в тишину, сдавленный от непонимания:

– Капитан! Скачок энергопотребления по всем жилым секторам! Личные терминалы... они массово запускают неавторизованные сессии. Прямое подключение к потоку сырых данных «Лабиринта». Люди... люди сами лезут в его пасть.

Приказ о карантине повис в воздухе декларацией. Обороной больше не пахло. Шла тихая мобилизация добровольцев в армию возможных «Я». Станция «Кондиционал» переставала быть аванпостом человечества. Она превращалась в питомник для призраков, в рассадник несостоявшихся миров, где каждый мечтал стать богом в собственной ненаписанной истории.

Глава 3. Архивный образец

Капитан Ирина Волкова стояла у главного экрана, на котором пульсировало «дерево возможностей». За неделю его узор стал сложнее, агрессивнее, будто корни вращались прямо в схему станции. Она не поворачивалась, когда за ее спиной остановился Артем.

– Группа контакта, – произнесла она, не как вопрос, а как приговор. – Шесть человек. Вы, Чен, Коваль, Седов, Волхова и ИИ «Тезей». Цель – не диалог. Цель – разведка боем. Выяснить правила игры. Или доказать, что их нет.

Артем молча кивнул. Его собственный список – на планшете, в руке, которая все еще помнила призрачную тяжесть меди. Шесть имен. Шесть подопытных, включая его.

– А если правил нет? – спросил он, уже зная ответ.

– Тогда мы – просто явление природы для них. Как грозовой фронт. И с фронтом не договариваются. Его пережидают или рассеивают. Первое – унижительно. Второе – пока за гранью наших сил. – Наконец она обернулась. Ее лицо было маской усталости, но глаза, серые и острые, как клинок, горели холодным огнем. – Значит, ваша задача – найти третье. Слабину в их логике. Ошибку в архивации.

Лабораторию модуля D превратили в когнитивный кокон. Стены покрыли слоем пермаллоя – магнитного савана, призванного заглушить шепот «Лабиринта». В центре, под ку-

полом из матового стекла, стояли шесть кресел-капсул. Не для сна – для бодрствующего погружения.

Первый инструктаж. Анна Коваль сидела, вцепившись в подлокотники, будто боясь, что ее унесет невидимым течением. Марк Седов бессознательно тер указательный палец о большой – жест пайщика, архаичный и точный. Дарья Волхова, психолог, делала заметки, ее лицо было бесстрастным экраном.

– Мы не будем касаться источника, – голос Артема звучал в тишине слишком громко. – «Тезей» построит буфер – нейтральную зону. Он будет пропускать через себя фрагменты паттернов, как свет через призму. Вы увидите не живую память, а ее проекцию. Безвольную, стерильную.

– Почему мы? – Марк показал на себя и Анну. – Почему не «чистые»?

– Потому что у вас уже есть тропа, – без обиняков сказала Дарья, не отрываясь от планшета. – Ваши нейронные сети резонируют с «Лабиринтом». Вы – проводники. Мы используем вас как живые антенны. Риск в том, что резонанс может усиливаться до точки разрыва.

– Мы сгорим, – прошептала Анна.

– Или станем сверхпроводниками, – парировал Артем. – Мы не знаем. Поэтому и нужен буфер. И «Тезей». И протоколы. И я.

Ли Чена доставили под глубокой седацией. Его веки подрагивали, словно под ними метались чужие сны. Когда его

подключили к креслу, энцефалограф выдал кривую – две синусоиды, отчаянно пытающиеся синхронизироваться. Он открыл один глаз. Радужка была мутной, как запотевшее стекло.

– Он ждет, – выдохнул Чен, и голос его был двойным, наложенным сам на себя. – Библиотекарь... он устал от тишины. Книги не спорят.

Пространство, которое создал «Тезей», было белым шумом, лишенным формы. Постепенно оно кристаллизовалось в бесконечный зал с полками из матового света. Здесь не было книг. Пока.

Артем, Анна, Марк и Дарья (подключенная как удаленный наблюдатель) возникли как смутные тени. Лишенные деталей, они были чистыми точками сознания.

– Начинаем, – сказал Артем, и его голос в виртуальности был плоским, лишенным тембра. – «Тезей», паттерн Альфа-1. Навигация в неевклидовых средах.

На полке вспыхнул объект. Не книга – сфера из сплетенных траекторий, мерцающих, как маршруты на карте сгоревшего мира. Анна ахнула – в реальном мире ее тело дернулось в кресле.

– Я... знаю ее. Это не схема. Это маршрут. Полет сквозь радиационные пояса...

– Войдите в контакт.

Аватары не имели тактильности, но когда Анна протянула руку-призрак, по ее форме пробежала рябь. В реальности датчики зафиксировали шторм в двигательной коре.

– Что получаете?

– Не получаю. Вспоминаю. – Голос Анны в наушниках сорвался. – Я помню разреженный воздух в шлеме третьего поколения. Счет по пульсациям магнитосферы. Корабль... как скат. Он скользил по силовым линиям. А в облаках... огни. Колонии. Не наши. Но мы торговали. Они давали кристаллы, которые пели в ультразвуке... – Она замолчала, задыхаясь.

Марк, не дожидаясь, уже тянулся к другому объекту – кристаллу, внутри которого переливались биологические схемы, как кровь в прозрачном теле.

– Это... атлас. Жизнь Европы. Там нет тьмы. Весь подледный океан – один сад. Светятся не только водоросли. Светятся рыбы, черви, камни. Им не нужно солнце. У них симбионты... микробы, которые питаются радиацией и светятся. – Его аватар поплыл, потеряв четкость. – Мы... пытались скрестить их с земными. Чтобы создать вечные лампы. Для марсианских колоний...

– Марк, держись, – предупредила Дарья, глядя на скачущий пульс в реальных данных. – Твое сердце.

– «Тезей, – скомандовал Артем, – введи паттерн Чена.

Установи мост.»

Пространство содрогнулось. В центре зала возник не предмет, а структура – многомерный пазл. Его фрагменты плавали в воздухе: математические символы, обрывки чертежей, строки на незнакомом языке, нотные знаки.

Голос Ли Чена раздался отовсюду, наложенный на тихий шелест:

– Он не говорит. Он показывает. Это шлюз. Реши – прой-
дешь. Нет – останешься с обрывками. С оглавлением без
книги.

Дарья заговорила быстро, аналитично:

– Это тест на синтез. Проверяет, может ли наш разум опе-
рировать чужими категориями. Не интеллект, а... когнитив-
ную гибкость.

Артем приблизился к пазлу. Один фрагмент притянул
взгляд – схема балансировочного механизма. Почти та же,
что и в его воображаемых часах. Но здесь был изъян: от-
сутствовала шестерня. Он мысленно представил ее – форму,
угол зубцов, сплав. Фрагмент щелкнул и встал на место.

Весь пазл пришел в движение. Фрагменты стали сходиться,
образуя не картинку, а проем – черный прямоугольник,
уходящий вглубь бесконечных рядов.

– Шлюз открыт, – прошептал Ли Чен, и в его голосе слышалось облегчение. – Он ждет.

Пока группа погружалась, станция дышала тихим бунтом. Запрет Волковой на использование «новых навыков» работал лишь под присмотром.

В столовой техник Юра, у которого после нелегального подключения открылся абсолютный слух, наигрывал на струнах, натянутых над консервной банкой, – мелодию сложную и тоскливую. Старший механик Гордеев, чей профиль оставался чистым, с размаху ударил по банке.

– Хватит этой дьявольщины! Ты не ты!

– Я более я, чем когда-либо! – крикнул Юра, и в его глазах горел странный восторг. – Я слышу музыку планет! Их орбиты – аккорды! А ты глухой!

Гордеев ударил его в лицо. Завязалась драка. Когда их растащили, у Юры текла кровь из носа, но он смеялся, приговаривая: «Ты не слышишь... ты не слышишь...»

В медблоке появились первые тяжелые случаи. Младший научный сотрудник Карина, пытавшаяся «загрузить» знания по квантовой биологии, впала в состояние, которое Дарья позже назовет «шизофренией от избытка реальностей». Девушка верила, что она одновременно человек и коллективный разум инопланетных лишайников. Ее пришлось ввести

в искусственную кому, чтобы мозг не разрушил сам себя.

Волкова ввела комендантский час. Но напряжение росло. «Просветленные» собирались тайком, обмениваясь обрывками чужих воспоминаний. «Консерваторы» сбивались в кучки, сжимая в руках гаечные ключи. Станция трещала по швам, и трещины светились чужим светом.

Группа прошла через несколько шлюзов. Каждый решенный пазл открывал новый «зал» – не с книгами, а с целыми мирами-воспоминаниями. Анна «читала» устройство корабля-ската до мельчайших болтов. Марк погрузился в генетические коды светящейся экосистемы, и его реальное тело иногда выдавало судорожные подергивания – мышечная память пыталась воспроизвести движения несуществующих конечностей.

Артем получил доступ к полным чертежам антигравитационного двигателя. Он видел его в сборе, слышал ровный гул сердцевины. Знание было таким полным, что он мог бы воспроизвести его здесь, если бы были материалы. Но вместе со знанием пришло и другое: смутное воспоминание о том, как этот двигатель использовали на войне. Как города падали с неба. Как его изобретатель, его возможное «Я», свел счеты с жизнью от стыда.

Дарья, оставаясь наблюдателем, менялась. Ее аналитические способности росли в геометрической прогрессии. Она видела закономерности в хаосе данных, предсказывала реакции «Библиотекаря». Но ее холодность дала трещину – в

голосе появилась одержимость, голод хищника, учуявшего кровь.

Ли Чен ушел дальше всех. Его аватар стал полупрозрачным, нестабильным. Он почти не говорил, а когда говорил, его голос был двойным эхом.

– Он не один. Их сонм. Они – хранители. Наша вселенная – тихий зал. Есть залы шумные, где законы меняются каждый миг. Есть залы пустые, где ничего не случилось. Они хранят все. Даже то, что не должно было быть.

И вот, после решения пазла, требовавшего знаний квантовой механики и средневековой алхимии одновременно, перед ними появилось Нечто.

Это не была фигура. Это был узор, живой и пульсирующий. Символы, формулы, образы возникали и таяли в нем, как волны. Из узора исходил голос, звучащий как одновременное чтение тысяч текстов.

– Интерфейс установлен. Задайте запрос. Один. Существенный.

Группа замерла. Артем почувствовал, как на него давит тяжесть выбора. Он был логиком. Он должен был задать вопрос, который вскроет суть.

– Какова ваша цель? Что вы хотите от нас?

Узор замер. Символы выстроились в странную конфигу-

рацию.

– Цель? Нет цели. Есть функция. Каталогизация. Вы – новый образец. Устойчивый. Мы наблюдаем адаптацию к внедренным паттернам. Собираем данные.

– Для чего? – выкрикнула Дарья, забыв о протоколе.

– Для Архива. Каждая реальность – эксперимент по устойчивости. Ваша показывает аномальную гибкость. Вы пытаетесь не разрушиться, а встроить новое в старое. Это редкое свойство.

– Мы для вас... подопытные? – с отвращением спросил Марк.

– Все – подопытные, – прозвучало в ответ. – Каждая ветвь – эксперимент. Ваш продолжается. Наблюдение усилится. Узор начал расплываться.

– Подождите! – крикнул Артем. – А что будет, когда эксперимент закончится?

Последние слова прозвучали уже как далекое эхо:

– Эксперимент либо вечен, либо переходит в раздел «За-

вершенные». Ваш раздел... пока пуст.

Узор исчез.

В буфере воцарилась тишина. А в реальном мире все члены группы одновременно закричали – от боли острой, режущей, будто в мозг вонзили раскаленную спицу. Датчики взвыли. Ли Чен не закричал. Он выгнулся в дугу, и на энцефалограмме две враждующие волны слились в одну прямую линию – яркую, ровную, безжизненную. Затем он обмяк, погрузившись в глубокую кому, из которой его уже не вывели.

Артем отстегнулся, его рвало прямо на пермалловый пол. Голова раскалывалась. Он видел, как Анна рыдает, уткнувшись лицом в колени, а Марк бессмысленно смотрит в потолок, шепча о светящихся рыбах. Только Дарья, бледная как полотно, но собранная, продолжала считывать данные.

– Они не просто наблюдают, – сказала она хрипло. – Они записывают. Нашу боль. Наш страх. Наш восторг. Это данные. Мы – живые отчеты. И нас читают.

В этот момент все освещение на станции погасло. На секунду воцарилась абсолютная тьма и тишина, нарушаемая лишь свистом вентиляции. Когда свет вернулся, на каждом экране, на каждом дисплее, даже на панелях управления жизнеобеспечением горело одно и то же сообщение. Не на человеческом языке. На языке символов, который они только что видели в узоре. Но смысл был понятен интуитивно,

как будто вбит прямо в подкорку:

ОБРАЗЕЦ: «КОНДИЦИОНАЛ». СЕГМЕНТ: АЛЬФА-7.
СТАТУС: АКТИВЕН. РЕАКЦИЯ: АДАПТИВНА. НАЗНА-
ЧЕНИЕ: ДОЛГОСРОЧНЫЙ МОНИТОРИНГ. ПРИОРИ-
ТЕТ: ПОВЫШЕН.

Затем экраны вернулись к обычной работе. Но сообщение
видели все. Весь экипаж.

В лабораторию ворвалась Волкова. Ее лицо было искаже-
но не яростью, а чем-то более страшным – холодным, без-
донным пониманием.

– Что вы натворили?

– Мы получили ответ, – Артем поднялся, опираясь на
кресло. Голова гудела. – Мы – экспонат. На нас поставили
штамп. Мы в Архиве.

Волкова посмотрела на коматозного Ли Чена, на разбитую
группу, на Артема, в глазах которого теперь горело два раз-
ных пламени – его собственный рассудок и холодный огонь
чужого знания.

– Значит, дипломатия невозможна, – тихо сказала она. –
Они не видят в нас собеседников. Они видят образец. – Она
выпрямилась, и в ее осанке вернулась сталь. – Если мы об-
разец, мы можем испортиться. Мы можем стать браком в
их коллекции. Мы можем устроить саботаж внутри их соб-

ственного эксперимента.

Артем смотрел на нее, и сквозь боль к нему приходило осознание. Черта пройдена. Теперь речь шла не о выживании, а о войне на истребление. Войне с существом, для которого их реальность – лишь один из томов. И первым выстрелом должно было стать не уничтожение, а искажение. Они должны были перестать быть «интересным, адаптивным образцом». Они должны были стать ошибкой, которую хочется стереть.

Но где-то в глубине станции, в тайных беседах «просветленных», уже зрела иная, еретическая мысль: если нельзя победить Библиотекаря, может, стоит попробовать украсть его перо? Или – стать соавторами?

Глава 4. Раскол

Три минуты древнего текста на экранах перепахали психологический ландшафт станции. Когда символы исчезли, в «Кондиционале» повисла тишина, густая и липкая, как кровь. А потом – взрыв.

В кают-компании, пахнувшей потом и страхом, столкнулись двадцатка людей. Техник Юра, с лицом, искаженным восторгом и болью, тряс перед собой планшетом, хотя экран был пуст.

– Видели? Они нас каталогизируют! Мы – экспонаты!

– Из-за вас, выроdkов! – старший механик Гордеев, его кулаки были сжаты так, что кости трещали. – Вы свою дьявольскую игрушку трогали, а теперь мы все в аквариуме!

– Это не игрушка, – голос химика Елены был холоден, но пальцы ее выписывали в воздухе сложные молекулы. – Это портал. И я помню, как синтезировать лекарство от радиационного некроза за два часа. Вы хотите это потерять?

– Хочу, чтобы мы остались людьми! – рявкнул системный администратор Костин, его борода тряслась. – А вы превращаетесь в... во что-то другое.

Капитан Волкова вошла, и пространство сжалось вокруг нее. Она не повысила голос, но каждый услышал:

– Доклад.

Гордеев выдвинулся вперед.

– Капитан, требую изоляции всех измененных. Они – угроза. Они лезут в эту аномалию, а она ставит на нас клеймо!

– Мы не измененные, – Елена не отступала. – Мы – улучшенные. Я могу повысить КПД систем рециклинга на тридцать процентов, используя знания из... из другой реальности.

– А я слышу, как стучит ваше сердце от страха, – прошептал Юра, прикрыв уши. – И стучит фальшиво. Вы лжете сами себе.

Волкова оставалась статуей.

– Все, у кого проявились несанкционированные когнитивные изменения, – добровольно в модуль В для тестирования. Это не изолятор, это карантин. Остальные – штатный режим. Все исследования «Лабиринта» прекращены. Группа контакта расформирована.

Артем, прислонившийся к косяку, почувствовал, как под ложечкой заныла знакомая тошнота. Голова была тяжелой, будто налитой чужими мыслями.

– Капитан, группа еще может...

– Группа привела к тому, что нас поместили под стекло, – Волкова не дала договорить. Ее глаза были пустыми, как шлюзы в открытом космосе. – Приказ есть приказ.

Но дисциплина уже треснула. Когда двое охранников в синих жилетах взяли Юру под локти, он вскрикнул. Крик был не громким, но пронзительным, словно игла, вошедшая прямо в барабанную перепонку. Охранники отпустили его, зажимая уши. Юра, бледный, тяжело дышал.

– Простите... я не хотел. Но ваши голоса... они визжат. Как нарушенная гармония.

Елена подняла ладонь, и все невольно отпрянули.

– В моем распоряжении достаточно бытовой химии, чтобы за минуты получить нервнопаралитический агент. Не заставляйте меня его собирать.

Волкова поняла: станция становится зверинцем, и клетки открываются.

Артем отступил в свою каюту, похожую на склеп. Сесть. Закрывать глаза. Внутри – месиво из двух жизней. Уравнения

гравитационных полей накладывались на лицо отца-математика, а бородатый инженер что-то чертил на фоне схем антигравитации. Они не боролись теперь – они сплетались, создавая чудовищный гибрид. Порой он ловил себя на внутреннем монологе на ломаном английском XIX века, а пальцы искали перо, чтобы записать формулу, которой не было в его мире.

Он взломал блокировку и погрузился в данные «Лабиринта». Нарушение приказа было ерундой по сравнению с тем, что происходило. Если они – образец, то что есть эксперимент? Какие переменные? Устойчивость системы к внедрению чужеродной информации? Скорость адаптации? Способность к синтезу нового?

Его двойное сознание работало на двух уровнях. Логик строил модель: «Лабиринт» – наблюдатель. Он вносит возмущение (паттерны) в закрытую систему (их коллективное сознание) и регистрирует отклик. Если отклик предсказуем – система стабильна, но неинтересна. Если отклик ведет к коллапсу – система хрупка. Если отклик порождает новую, устойчивую конфигурацию – система аномальна, достойна пристального изучения.

Они оказались аномальными. Их «адаптивность» повысила приоритет наблюдения. Но что, если адаптивность перейдет в активность? Что, если система начнет не просто реагировать, а генерировать ответные возмущения, направленные на источник? Могут ли они стать не объектом, а субъектом

наблюдения? Со-исследователями в своем собственном эксперименте?

Идея была безумной, но в гибридном сознании она обрела железную логику. Нужно создать обратную связь. Но для этого нужен передатчик.

В модуле В, превращенном в импровизированный лазарет, Анна Коваль сидела на койке и смотрела на свои руки – чужие руки, помнившие штурвал парусника. Внутри нее жил пилот с другой временной линии. Его воспоминания были ярче, острее: зеленые глаза напарницы, холодное сияние Юпитера в иллюминаторе, песня кристаллов в ультразвуковом диапазоне. И тоска. Тоска по дому, который был не Землей, а вращающейся станцией в облаках аммиака. Эта тоска выедала ее собственные воспоминания о родителях, о первом полете. Она плакала, но слезы были не только ее.

Марк Седов в соседнем отсеке рисовал на стене сложные структуры – ДНК светящихся организмов. Он бормотал: «... ввести ген люциферазы в цианобактерии, получить фотосинтез и биолюминесценцию одновременно... Марс зацветет за десятилетия...» Его собственная биография – детство в Томске, диплом, работа на орбитальных фермах – блекла, как выцветшая фотография.

Дарья Волхова наблюдала за ними с экрана в своей каюте. Ее аналитический дар, заточенный до болезненной остроты, строил кривые ассимиляции. Прогноз: через пять-семь дней исходные личности будут полностью замещены. Вопрос: что

останется? Послушные марионетки «Лабиринта»? Или новые сущности, несущие в себе память двух миров? Она не знала. И впервые за долгие годы холодный разум Дарьи дал сбой – ее охватил страх. Не за станцию. За них. И за себя, потому что ее собственная острота ума была неестественной, возможно, тоже даром-проклятием «Лабиринта».

Вечером станция ахнула от темноты. Кто-то обнулil энергию модуля D. На полчаса «Кондиционал» ослеп. Когда свет вернулся, обнаружили пропажу диска с сырыми данными. Нашли у Юры. Он сидел, прижав наушники к ушам, лицо было мокрым от слез.

– Здесь музыка, – сказал он, не открывая глаз. – Все возможные миры... они поют. Каждый паттерн – аккорд. А вместе... это симфония.

Волкова приказала изолировать его. На этот раз использовали звуконепроницаемый шлем и наручники. Юра не сопротивлялся. Но урок был усвоен: «просветленные» – не просто больные. Они – носители непредсказуемой силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.